

Содом и Ниневию в древнерусской книжности и фольклоре.

Предметом нашей статьи станет история восходящего к Библии мотива Божьего гнева, обращенного на жителей нечестивых городов. Прецедентными городами являются, с одной стороны, Содом и Гоморра и, с другой стороны, Ниневия. Жители Содома и Гоморры прогневали Бога многочисленными грехами и за это были уничтожены «серным и огненным» дождем (Быт 19: 24—25). Такая же участь ожидала Ниневию, но ее жители покались, вняв проповеди пророка Ионы, и наказание было отменено. Образы Содома и Гоморры прецедентны уже для библейских пророков; так, Исаия обращается к согрешившим израильтянам: «Слушайте слово Господне, князья Содомские, внимай закону Бога нашего, народ Гоморрский!» (Ис 1: 10); сопоставляет с Содомом и Гоморрой обреченный на гибель Вавилон: «И Вавилон, краса царств, гордость Халдеев, будет ниспровержен Богом как Содом и Гоморра» (Ис 13: 19). Образ Содома несколько раз появляется и в Евангелии. Христос предрекает строгий суд над галилейскими городами, упрекая их жителей в том, что они более упорны в своем нежелании покаяться, нежели содомляне (Мф 11: 23); напротив, о ниневитянах говорится, что они «осудят род сей» на Страшном суде (Лк 11, 32).

Противопоставление судьбы Содома и Ниневию становится характерным риторическим приемом раннехристианской и святоотеческой литературы. Так, св. Григорий Богослов в 15-м слове обращается к своим слушателям: «Будем ниневитянами, а не содомлянами. Уврачуем грех, чтобы со грехом не погибнуть, послушаем Иониной проповеди, чтобы не потопил нас огонь и жупел» [6. С. 204]. Содом и Гоморра отнюдь не мыслились древними христианами как отвлеченные литературные образы; они не сомневались, что современные им города точно так же могут быть уничтожены Богом. Уже Тертуллиан сопоставлял судьбу италийских городов Вольсинии и Помпеи с судьбой Содома [16. С. 130].

Представление о возможности прямого уничтожения Богом согрешивших городов довольно рано проникает и в древнерусскую традицию. А.Ю. Карпов приводит следующий отрывок из летописи, датированный 1230 годом: «Того же лета быша знамения многа, от нихже едино скажем: в Киеве всем зрящим бысть солнце месяцем, явишася обапол его столпи червлени, зелени, сини; таже сниде огонь с небеси, аки облак велик над ручаи Лыбеди, а людем отчаявшимся живота, мнящим кончину...» [10. С. 6]. Автор полагает, что речь здесь идет об ожиданиях конца света. Однако возможно, что киевляне, видя сошедший с неба огонь, думали о своей кончине, а не о кончине мира, и о возможной гибели Киева по аналогии с Содомом и Гоморрой. Разумеется, лаконизм летописного текста не позволяет сделать однозначные выводы, однако приведенная нами версия кажется вполне правдоподобной — особенно в свете примеров, которые будут даны ниже.

Первые бесспорные случаи ожидания уничтожения Богом согрешивших городов мы обнаруживаем в летописных записях XV в. В 1421 г. в Москве «мая 19 с полудени, с громом страшным и с шумом великим, в полунощи молнии блистаючи и яко прозрети не мочно бе, яко бо чающим людем сожженным быти от огня онаго; понеже бо и туча она пришедше над градом ста, изменися от дождено сия огненное видение, людие же всяко чаючи пламени быти и пожигаючи грешники, и ужасошася, и начаша вопити: Господи помилуй, и прочее многое моленье и обеты приношаху Господеви и Пречистой Его Матери и всем святым, понеже бо камение из облака являшася» [1. С. 100—101]. Сильная гроза вызвала у москвичей панический страх — они ожидали гибели от небесного огня или от камней, падающих из тучи. Аналогичная паника охватила москвичей во время бури, обрушившейся на город в 1460 г. Дьяк Родион Кожух пишет об этом в летописи: «Того ради Богом посланного великого страха, пришедшаго на ны, мнози во градах и в селех людие в той час живота своего

отчаяшася, и друг от друга прощения прошаху, и слезы проливающе со въздыханием к Богу и молениа приносяще ползовахуся, и таком многоими скорбьми и сетованием в то время одержими бывше, Мирноносиц глас восприемше, ркуще: Господи! Утоли наше рыдание слезное; и тако плачущеся чающе уже конечно живота своего лишитися» [13. С. 183]. Буре, бушевавшей над столицей, свидетели приписывали фантастические свойства: «Мнози убо свидетельствовавху огонь в той туче видевше яко пламень распыхаяся от великиа ярости вихра» [Там же]. Подобная паника и ожидания массовой гибели едва ли объяснимы вне контекста легенд о небесном уничтожении городов. Летописец сообщая, что никто не погиб в результате ужасной бури, сравнивает спасение Москвы со спасением Ниневии: «Якоже пощаде некогда о Ниневии граде велицем и обратися от злб своих, еже, рече, восхоте сотворити им и не сотвори: и ныне такоже в мале часе переведе через град великую тучу, и того нужне волнуемого на ны вихра укроти и тишину воздуха всячески нам дарова» [Там же].

Мотив нисходящего с неба огня и каменного дождя, отраженных в приведенных выше текстах, несомненно, восходит к описанию уничтожения Содома и Гоморры. Это становится особенно очевидным при обращении к древнерусским рукописям Пятикнижия Моисеева. В отличие от поздних русских редакций библейского текста, где Бог проливает на грешные города «серу и огонь», в древнерусской рукописи Пятикнижия Моисеева, датированной XIV в., говорится, что «Господь наждожди Содому и Гоморру каменем горящим и огонь от себе с небеси пусти» (ОР РГБ, ф. 304.I, № 1, л. 18).

Данная традиция находит развитие в рассказе о спасении Великого Устюга, впервые появляющемся в «Повести о подвигах и чудесах Прокопия Устюжского юродивого» (середина XVI в.). Согласно этому рассказу, св. Прокопий предрек гибель городу Устюгу, если его жители не покаются. Устюжане не поверили Прокопию, и вот «во другу неделю о полудни, бысть же тма и мрак, и недоумевахся, что се буди ысть. И по сем явися огонь со все страны, грому бо страшну бывшу не слышавшу ж, что друг со другом глаголюще. Яко земли колебатися, пламень же разливахеся непрестанно, огненныя же тучи хотяше соступитися вместо, и бывшу зною велику от огня того. И разумеша людие потребление града, свою погибель. И собращася вси людие во церковь: мужи и жены, богати и убози, свободни и работнии, даже и до уноте; и покрыша лица землю и очи свои возведши горе, руце свои на высоту и со слезами вопяху» (ОР РГБ, ф. 178, ед. 1365, 8^л, л. 6)¹. После молитв устюжан начала мироточить икона Богородицы и «разовше облацы огненныя на все страны, и поидоша на места пустая и попалиша дебрия на пустынях и каменiem побиша» (Там же, л. 7—8). Размышляя об этом чуде, автор сравнивает возможную судьбу Великого Устюга с судьбой Содома и Гоморры, а спасение устюжан — со спасением ниневитян. Здесь мы снова обнаруживаем отсылки к истории Содома, Гоморры и Ниневии и мотивы нисходящего с небес огня и падающих камней. В житии Прокопия Устюжского возникает еще один интересный мотив — заступничество Богородицы за обреченный город; этот мотив, скорее всего, развился под влиянием представления о Богородице как о заступнице за весь христианский род, которое мы можем обнаружить в таких популярных произведениях, как «Хождение Богородицы по мукам», «Житие Андрея Юродивого», кондаке «Взбранной Воеводе» и др.

Большинство приведенных нами рассказов относится к современным повествователям русским городам — поэтому повествование о них неизбежно строится по образцу рассказов о помилованной Богом Ниневии. Тем не менее можно предположить, что одновременно с ними существовали легенды о городах древности, уничтоженных подобно Содому и Гоморре. Так, историк И.Е. Забелин рассказывает, что иностранные путешественники XVI в. описывали руины расположенного в нижнем Поволжье города Увек таким образом: «На высоком холму был некогда очень красивый замок Увек и подле него город, называемый русскими Содом: этот город и часть замка провалились по правосудию Божьему за грехи народа, здесь обитавшего» [8. С. 172]. Здесь несомненно воспроизводится местное предание, родственное более поздним рассказам о провалившихся

церквях. Но в данном случае оно явно связано с циклом легенд о гибели нечестивых городов — руины древнего степного города сразу вызывали у русских переселенцев ассоциацию с Содомом.

Интересно, что в приведенном выше примере речь идет о том, что Содом за грехи провалился. Эта традиция также имеет древнее происхождение: согласно ей уничтоженные Богом города провалились сквозь землю и на их месте возникло Мертвое море. Намек на это содержится уже в Библии (Быт 14, 3); позднее об этом упоминают античные авторы, в частности греческий историк Страбон, который, описывая район Мертвого моря, сообщает, что, согласно местному преданию, «некогда было здесь тринадцать городов, из которых главный, Содома, имел в окружности около шестидесяти стадий; что озеро образовалось вследствие землетрясений, извержений огня, горячей воды, асфальта и серы; что камни содержали огонь, что одни города были поглощены землей, другие покинуты жителями, имевшими возможность бежать» [14. С. 781]. Как видно, похожая версия гибели Содома и Гоморры была известна и в русской традиции. Ее связь с пророчествами о наказании грешников была известна и в XIX в. Так, сектантские проповедники Владимир Михайлов и Григорий Верещагин, действовавшие в 1850—1860-е гг. в Самарской губ., столкнувшись с неприятием со стороны местной молоканской общины, «пытались было различными способами вразумить бывших своих приверженцев, с каковою целью между прочим проклинали их самих и места их общественных молений, предсказывая, что эти последние провалятся как Содом и Гоморра» [2. С. 19].

В XVI в. легенды о гибели городов начинают подвергаться интенсивному воздействию со стороны еще одного литературного источника — «Епистолии Иисуса Христа о неделе». Этот апокрифический текст был создан в эпоху раннего Средневековья (VI—VII вв. н.э.) в латиноязычных областях Римской империи [4. С. 108]. В нем повествуется о том, что в Риме или Иерусалиме с неба падает письмо Иисуса Христа, в котором он говорит о том, какие бедствия постигнут христиан в наказание за несоблюдение христианских заповедей и религиозных предписаний — в первую очередь, почитания воскресного дня. Первый известный нам русский список «Епистолии о неделе» датируется второй половиной XV в. Позднее «Епистолия» получила широкое распространение в народе, став один из самых популярных апокрифических произведений. Примечательно, что ряд мотивов «Епистолии» повторяет мотивы, уже известные русской традиции из других источников. Так, в старейшем русском списке «Епистолии» мы находим следующие угрозы: «Отверзу семь небес одождiti, испустити имам на вас камение горящее и воду, егда никто не чоует, да вижду, како убежите от руки моея <...> одождiti имам <...> вместо дождя кровь, и огонь, и жупел» [5. С. 16]. Как видно, эта казнь совпадает с древнерусскими описаниями уничтожения Содома и Гоморры. Точно так же мы находим в «Епистолии» мотив заступничества Богородицы. В чудесном письме Христос говорит: «И помыслих всякого человека погубити на земли за святую неделю и за святыи пятки. И пакы умилосерихся за святых ми ради мученик и апостол и ангел и молбами пресвятые ми матере: тыя вси умолиша мя от вас и отвратих гнев свой от вас» [5. С. 14—15].

В результате в русской традиции XVI—XVIII вв. мы наблюдаем наложение нового письменного источника на старую традицию. Благодаря общей теме божественных казней и ряду совпадающих мотивов «Епистолия» начинает оказывать интенсивное влияние на легенды о гибели и чудесном спасении городов. Впервые влияние «Епистолии» можно предположить в «Житии Варлаама Хутынского», написанном в Новгороде в 1530-е гг. В нем приводится следующий рассказ, относящийся к началу столетия. Пономарь Тарасий, войдя ночью в церковь, видит встающего из гроба св. Варлаама, который обращается к нему со словами: «Брате Тарасие, хочет Господь Бог погубити Великий Новьград. Взыди, брате, на самый верх церковный и узриши пагубу Великому Нову-граду, что хочет ему Господь Бог сотворити». Затем Тарасий видит «над самым Великим Новым-градом езеро Ильмер воздвигшеса на высоту, хотя потопити Великий Новьград» [3. С. 272]. И только по молитвам св. Варлаама «Пречистая Богородица со всеми святыми умолила сына своего

и Бога нашего Иисуса Христа и избавила град свой от потопа» — Новгород теперь ожидают мор и большой пожар. В этом тексте мы находим ряд черт, роднящих его с классическими легендами о гибели городов: предсказание приближающейся гибели Новгорода, которая отвращается по заступничеству Богородицы. Тем не менее мотив, не встречающийся в более ранних источниках, указывают на влияние «Епистолии о неделе»: в отличие от истории Ниневии, гибель Новгорода не просто отменяется, а заменяется другим наказанием, также тяжелым, но не влекущим всеобщей смерти (в «Епистолии о неделе» Христос говорит, что по молитвам Богородицы он решил не уничтожать весь человеческий род, но все равно обещает грешникам многочисленные бедствия и муки).

Рассказ по своей структуре очень близкий к повествованию «Жития Варлаама Хутынского» возникает в московском фольклоре XVIII в.: «Всю зиму, весну и лето 1771 года в Москве свирепствовала чума. Одному фабричному рабочему во сне явилась Богородица и повела: вот уже тридцать лет у ее образа на Варварских воротах Китай-города никто не ставит свечей и не возносит молитв. Христос хотел за это наслать на Москву каменный дождь, но она упростила Сына заменить его мором» [11. С. 116]. Здесь мы видим продолжение древнерусской традиции, ожидавшей гибели грешных городов от каменного дождя. Как и в «Житии Варлаама Хутынского», здесь говорится о замене полного уничтожения казнью, не несущей всеобщей смерти. Кроме того, появляется еще один мотив — казнь постигнет москвичей не за отступление от христианской этики, а за несоблюдение обрядовых предписаний. По всей видимости, эта идея также происходит из «Епистолии о неделе», придающей большое значение церковным установлениям.

Тексты, записанные в XIX в., демонстрируют распад старой традиции. Сохраняются только отдельные мотивы, которые используются в различных текстах, в основном сформировавшихся под влиянием «Епистолии о неделе». Так, в опубликованной в 1893 г. статье Д.И. Успенского приводится следующая московская легенда: «Еще в 1891 году в Москве с колокольни Ивана Великого Божия Матерь оплакивала грехи православных русских людей и восклицала: “ах вы, народ, народ мой возлюбленный! Что вы делаете? Обманываете друг друга, ссоритесь, пьянствуете, постов не соблюдаете. Всех ваших грехов и перечеть нельзя. Своими грехами вы землю осквернили, душу Мою истерзали и прогневили Сына Моего едиnorodного, Господа нашего Иисуса Христа. Он хотел было всю землю превратить в соляные камни, да Я упростила Его не погубить в конец рода христианского. Умилосердился Спаситель по Моей молитве и теперь посылает вам другое, хотя и страшное, но все же меньшее наказание: будет у вас три года голод и мор”» [15. С. 187]. Если в рассказе XVIII в. в качестве наказания выступает традиционный каменный дождь, то в рассказе XIX в. мы видим его переосмысление в эсхатологическом контексте: Христос хочет погубить не только москвичей, но и всех христиан, окаменив землю. Окаменение земли в народной традиции является одной из устойчивых характеристик «последних времен». Оба мотива происходят из «Епистолии о неделе»: в ней говорится и о первоначальном желании Христа «погубить всякого человека на земли», и о страшной засухе, которая станет карой для грешников. Из старой традиции в этой легенде сохраняются только мотивы замены первоначальной казни на менее жестокую и заступничества Богородицы. Из древнерусской традиции, сопоставлявшей грешные города с Содомом и Гоморрой, может происходить упоминание «соляных камней» — параллель к образу «Соленого моря», расположенного на месте Содома (Быт 14: 3).

Угрозы Христа в «Епистолии» не связаны конкретно с городами: Господь угрожает в ней грешному человечеству вообще. В результате мотивы, связанные с рассматриваемой традицией, появляются во многих рассказах, записанных в сельской местности. Так, интересное отражение нескольких мотивов «Епистолии» мы находим в рукописи 1830-х гг., созданной в предместьях Вологды [12. С. 41—42]. В ней автор описывает несколько собственных сновидений. В одном из них мы находим традиционный древнерусский образ —

каменную тучу: «Косил я на пустоше, вижу я: приходя и говорит мне, что: “Ты меня знаешь”. Тогда отвечаю я: “Не знаю”. — “А я Семеон, сродник Иисуса Христа. 1836-го еже сего дни не будет тучи каменной, то на будущее 1837-го будет безпренемено”» [12. С. 41]. В другом автор видит нападающих на людей птиц — «птицы черныя, они слепыя, власы женския». Этот образ, несомненно, восходит к «Епистолии»: «Пущу на вас птицы черныя крылатыя, двуглавыя, главы у них львовы, а крылья орловы, власы женския: тот час поедят сердца ваша за неправду и за непослушание ваше и будут клевать главы ваша и пить кровь вашу» [9. № 114]. Еще один пример отражения старой традиции мы находим в мордовской легенде, записанной в Пензенской губернии в начале XX в. В ней каменный дождь изображается как реально произошедшее событие — жители мордовского села Мувалы были наказаны им за то, что после крещения продолжали есть конину во время общественных молений [7. С. 380]. Как видно, здесь, как и в «Епистолии о неделе», каменный дождь выступает как наказание за несоблюдение предписаний, которым приписывается религиозное значение.

Таким образом, мы можем заключить, что повествования о Божьем наказании грешных городов активно бытовали в русской традиции начиная с эпохи Древней или, по крайней мере, Московской Руси до XVIII в. Их основным источником стали библейские истории уничтоженных Богом Содома и Гоморры и помилованной Богом Ниневии. Первым условно выделяемым этапом бытования этой традиции был период до XVI в. Наиболее распространенным содержанием возникших в это время текстов были рассказы о гибели грешных городов древности и о чудесном спасении современных русских городов. Второй этап бытования традиции — XVI—XVIII вв. В это время важнейшим фактором, влияющим на традицию, становится распространение «Епистолии Иисуса Христа о неделе». В результате формируется новый сюжет: Бог желает совсем уничтожить город, но по молитвам Богородицы заменяет его уничтожение различными казнями. Результатом трансформации сюжета стало то, что эти легенды особенно активно бытовали в годы народных бедствий: новгородских пожаров и эпидемии 1500-х гг., московской чумы 1771 г. В XIX в. происходит распад старой традиции: ее отдельные элементы обнаруживаются в самых разных фольклорных жанрах, вырванные из первоначального контекста.

Литература

1. *Алексеев А.И.* Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV — нач. XVI вв. СПб., 2002.
2. *Арсений, иером.* Лжехристы монтано-молоканские: Иван Григорьев и Григорий Верещагин: к истории монтано-молоканской секты. М., 1891.
3. Библиотека литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. Т. 9. СПб., 2000.
4. *Вилинский С.Г.* Болгарские тексты Епистолии о неделе // ЛетИФО. Т. 10. Одесса, 1902. С. 87—124.
5. *Вилинский С.Г.* Кирилло-Белозерский список Епистолии о неделе // ЛетИФО. Т. XIII. Одесса, 1905. С. 1—23.
6. *Святитель Григорий Богослов, архиеп. Константинопольский.* Творения. Т. 1. Слова. М., 2010.
7. *Евсеев М.Е.* Избранные труды. Т. 5: Историко-этнографические исследования. Саранск, 1966.
8. *Забелин И.Е.* История русской страны с древнейших времен. М., 2007.
9. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и прочее // Живая старина. 1907. № 4.
10. *Карпов А.Ю.* Об эсхатологических ожиданиях в Киевской Руси в начале XI — конце XIII века // Отечественная история. 2002. № 2. С. 3—15.
11. *Михайлов К.* Москва погибая. 1917—2007. М., 2007.
12. *Пигин А.В.* Слепые птицы, каменная туча и беспокойная совесть // ЖС. 2012. № 1. С. 40—42.

13. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853.
14. *Страбон*. География Страбона в семнадцати книгах. М., 1891.
15. *Успенский Д.И.* Толки народа (Неурожай. — Холера. — Война) // Этнографическое обозрение. 1893. № 2. С. 183—189.
16. *Loader J.A.* A Tale of Two Cities: Sodom and Gomorrah in the Old Testament, early Jewish and early Christian traditions. Kampen, 1990.

Сокращения

ЛетИФО — Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете.

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

i

Цит. по: Архив и библиотека свящ. Якова Кротова: [Электрон. ресурс]
http://krotov.info/acts/13/3/procop_1.html.